

Lehmann, Tempora

Beispiele zu Kap. 2 für:

deiktische Orientierung,

narrative Orientierung,

omnitemporale Orientierung

Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита», ГЛАВА 2 Понтий
Пилат

В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца ирода великого *вышел* прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Более всего на свете прокуратор *ненавидел* запах розового масла, и все теперь *предвещало* нехороший день, так как запах этот *начал преследовать* прокуратора с рассвета. Прокуратору *казалось*, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду, что к запаху кожи и конвоя примешивается проклятая розовая струя. От флигелей в тылу дворца, где *расположилась* пришедшая с прокуратором в Ершалаим первая когорта двенадцатого молниеносного легиона, *заносило* дымком в колоннаду через верхнюю площадку сада, и к горьковатому дыму, свидетельствовавшему о том, что кашевары в кентуриях *начали готовить* обед, *примешивался* все тот же жирный

розовый дух. О боги, боги, за что вы наказываете меня?" Да, нет сомнений! Это О она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания, при которой **болит** полголовы. От нее **нет** средств, **нет** никакого спасения. Попробую не двигать головой \". На мозаичном полу у фонтана уже *было* *приготовлено* кресло, и прокуратор, не *глядя* ни на кого, *сел* в него и *протянул* руку в сторону. Секретарь почтительно *вложил* в эту руку кусок пергамента. Не *удержавшись* от болезненной гримасы, прокуратор *искоса*, *бегло* *проглядел* написанное, *вернул* пергамент секретарю и с трудом *проговорил*: - Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело *посылали*? - Да, прокуратор,- *ответил* секретарь. Что же он? Он отказался дать заключение по делу и смертный приговор синедриона направил на ваше утверждение,- *объяснил* секретарь. Прокуратор *дернул* щекой и *сказал* тихо: - Приведите обвиняемого. И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров *ввели* и *поставили* перед креслом прокуратора человека лет двадцати семи. Этот человек *был одет* в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его *была прикрыта* белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки *связаны* за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта - ссадина с запекшейся кровью. Приведенный с тревожным

любопытством *глядел* на прокуратора. Тот *помолчал*, потом тихо *спросил* по - арамейски: - Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм? Прокуратор при этом *сидел* как каменный, и только губы его *шевелились* чуть - чуть при произнесении слов. Прокуратор был как каменный, потому что *боялся* качнуть пылающей адской болью головой. Человек со связанными руками несколько *подался* вперед и *начал* говорить: - Добрый человек! Поверь мне... Но прокуратор, по - прежнему не *шевелился* и ничуть не *повышая* голоса, тут же *перебил* его: - Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно,- и так же монотонно *прибавил*: - кентуриона Крысобоя ко мне. Всем *показалось*, что на балконе потемнело, когда кентурион, командующий особой кентурией, Марк, прозванный Крысобоем, *предстал* перед прокуратором.

Прокуратор *сказал* негромко: - Мое - мне Ø известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твое. - Иешуа,- поспешно *ответил* арестант. - Прозвище есть? - Га-ноцри. - Откуда ты Ø родом? - Из города Гамалы,- *ответил* арестант,

головой *показывая*, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала. - Кто ты Ø по крови? - Я точно не знаю, - живо *ответил* арестованный, - я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец... - Где ты живешь постоянно? - У меня нет постоянного жилища, - застенчиво *ответил* арестант, - я путешествую из города в город. - Это можно Ø выразить короче, одним словом - бродяга, - *сказал* прокуратор и *спросил*: - родные есть? - Нет Ø никого. Я Ø один в мире. - Знаешь ли грамоту? - Да. - Знаешь ли какой - либо язык, кроме арамейского? - Знаю. Греческий. Вспухшее веко *приподнялось*, подернутый дымкой страдания глаз *установился* на арестованного. Другой глаз *остался* закрытым. Пилат *заговорил* по - гречески: - Так ты собирался разрушить здание храма и призывал к этому народ? Тут арестант опять *оживился*, глаза его *перестали* выражать испуг, и он *заговорил* по - гречески: - Я, доб... - тут ужас *мелькнул* в глазах арестанта оттого, что он едва не *оговорился*, - я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие. Удивление *выразилось* на лице секретаря, *сгорбившегося* над низеньким столом и записывающего показания. Он *поднял* голову, но тотчас же опять *склонил* ее к пергаменту. - Множество разных людей

стекается в этот город к празднику. Бывают среди них маги, астрологи, предсказатели и убийцы,- *говорил* монотонно прокуратор,- а попадаются и лгуны. Ты, например, лгун. Записано ясно: подговаривал разрушить храм. Так свидетельствуют люди. - Эти добрые люди,- *заговорил* арестант и, торопливо *прибавив*: - игемон,- *продолжал*: - ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из - за того, что он неверно записывает за мной. Наступило молчание. Теперь уже оба больных глаза тяжело *глядели* на арестанта - Повторяю тебе, но в последний раз: перестань притворяться сумасшедшим, разбойник,- *произнес* Пилат мягко и монотонно,- за тобою записано немного, но записанного достаточно, чтобы тебя повесить. - Нет, нет, игемон,- весь напрягаясь в желании убедить, *заговорил* арестованный,- ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал. - Кто такой? - брезгливо спросил Пилат и тронул висок рукой. - Левий Матвей,- охотно объяснил арестант,- он был

сборщиком податей, и я с ним встретился впервые на дороге в Виффагии, там, где углом выходит фиговый сад, и разговорился с ним. Первоначально он отнесся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня, то есть думал, что оскорбляет, называя меня собакой,- тут арестант усмехнулся,- я лично не вижу ничего дурного в этом звере, чтобы обижаться на это слово... Секретарь перестал записывать и исподтишка бросил удивленный взгляд, но не на арестованного, а на прокуратора.